

241981

dpl

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА

АСТРИД ВИЛЛУП

**НАРЕЧИЕ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ
И ЕГО РАЗВИТИЕ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ**

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Diss. Tart. 299773

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
действительный член Академии Наук ЭССР,
заслуженный деятель науки ЭССР, профессор И. Г. ВЕСКИ

ТАРТУ 1954

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА

АСТРИД ВИЛЛУП

**НАРЕЧИЕ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ
И ЕГО РАЗВИТИЕ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ**

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
действительный член Академии Наук ЭССР,
заслуженный деятель науки ЭССР, профессор И. Г. ВЕСКИ

ТАРТУ 1954

RESEARCH REPORT
ON THE
EFFECTS OF
THE
USE OF
THE
MACHINE

D

For the
Department of
Pharmacology

485521

Марксистское языкознание стало за последние годы на путь успешного развития. Гениальные труды И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания» и «Ответ товарищам» создали новую эпоху в истории изучения языка, давая ясные, точные и глубокие ответы на самые существенные и сложные вопросы языкознания. В этих трудах содержится вся программа развития марксистского учения о языке. Вооружив советских языковедов новыми знаниями для понимания закономерностей исторического развития языка, И. В. Сталин проливает яркий свет на перспективы дальнейшего развития языкознания.

И. В. Сталин показывает, что язык общественное явление, неразрывно связанное с «историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Новое определение языка, как общественного явления, естественно обуславливает также новую трактовку специфики языка и установление новых закономерностей в историческом развитии языка. Согласно марксистскому языкознанию, основу языка, сущность его специфики, составляют основной словарный фонд языка и его грамматический строй, причем словарный состав приобретает свое действительное значение только тогда, когда он поступает в распоряжение грамматики, которая определяет правила изменения слов, их образования и сочетания в предложения. Что же касается развития и изменения языка, то это очень продолжительный процесс, который происходит путем дальнейшего развития и совершенствования основных элементов существующего языка, а не путем его уничтожения и построения нового языка, как ошибочно полагали марристы.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат 1953, стр. 22.

Эти развившиеся на основе марксистской теории и сформулированные И. В. Сталиным положения обеспечивают грамматике снова достойное место среди языковедческих дисциплин, нанося сокрушительный удар ложным марристским концепциям, согласно которым морфологию подчиняли синтаксису и в занятиях морфологическими вопросами видели проявление «формализма».

Особенно большое значение в грамматическом и лексикологическом исследовании языка имеет марксистское учение о внутренних законах развития языка, из которых и вытекают различия в грамматической структуре и словарном составе языков различных систем, и которые таким образом придают данному языку его национальную самобытность. В открытии внутренних законов развития языка при помощи исследования различных конкретных языковых явлений и должна заключаться главная задача советского языкознания.

Эта цель преследуется и в настоящей работе, которая ставит себе задачей проследить развитие одной грамматической категории, именно категории наречия, в эстонском языке. С точки зрения общего языкознания наречие в эстонском языке и, в более обширном масштабе, в финно-угорских языках представляет интерес как раз потому, что, развившись из других частей речи путем грамматической абстракции в течение весьма долгого периода, эта категория особенно ярко выявляет специфику финно-угорских языков и их структуральные отличия от языков, принадлежащих к другим группам, например к индо-европейской группе языков.

Тема диссертации таким образом в первую очередь грамматическая, поскольку в ней рассматривается образование наречий из других частей речи. Изменения в составе частей речи и в их взаимоотношениях в свою очередь подчинены внутренним законам языкового развития. С другой стороны, однако, процесс адвербиализации разных частей речи тесно связан с изменением словарного состава языка и его постоянным обогащением в зависимости от развития общественной жизни. Таким образом работа является отчасти и лексикологической, так как она дает картину пополнения словарного состава, в основном путем образования новых наречий.

Во избежание чрезмерного объема исследования, проработанный материал ограничен самым существенным и выразительным рядом наречия, именно наречием образа действия. Несмотря на это ограничение, автор работы стремится дать достаточно исчерпывающий обзор происхождения и развития

наречия, как такового, в эстонском языке: ведь принципы образования наречия и закономерности его развития являются общими для всех разрядов наречий. Наречие образа действия выделяется среди других разрядов наречий и в том отношении, что оно является самым богатым по возможным способам деривации.

Диссертация состоит из введения «Наречие как грамматическая категория» и из следующих глав: «Обзор трактовки наречия образа действия в эстонском языке», «О происхождении и образовании наречия образа действия в эстонском языке», «Наречие образа действия в эстонских диалектах» и «Развитие наречий образа действия в эстонском литературном языке». Использованный для работы материал почерпнут из двух источников — из литературного языка и из диалектов — и охватывает около 5300 словарных карточек.

* *
 *

Во вступительной части разъясняется сущность наречия как грамматической категории с точки зрения общего языкознания и характеризуется наречие образа действия в эстонском языке.

Согласно определению академика В. В. Виноградова наречие — это грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу, к категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельственного отношения¹. Наречие как часть речи отмечает образ, характер или какой-либо другой признак действия, выражаемого глаголом. Синтаксически наречие также дополняет в первую очередь глагол, реже имя прилагательное, другое наречие или даже имя существительное. По своему значению и синтаксической функции наречия подразделяются на несколько разделов, выражая время, место, образ действия, степень и количество, вопрос или еще какой-либо другой признак. Наречие образа действия один из самых основных видов наречия, так как оно прямо отмечает предикативные признаки действия и таким образом дает самую непосредственную характеристику действия, выражаемого глаголом. Иногда одно наречие имеет даже несколько значений. В таком случае к основному значе-

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз 1947, стр. 340.

нию обычно присоединяется еще оттенок, выражающий образ действия, так напр. наречие *hiljuti* 'недавно' выражает одновременно время и образ действия, наречие *kahekesi* 'вдвоем' — количество и образ действия, *edasi* 'вперед' — направление движения и образ действия и т. д.

В предложении наречие выступает в качестве самостоятельного члена, отвечая на определенный вопрос и коренным образом отличаясь этим от служебных слов, которые не имеют самостоятельного значения. Поэтому совершенно не обосновано отнесение наречия к числу служебных слов, как это делают буржуазные грамматикологи-формалисты (Есперсен, Круйзинга, Поутсма, Суит и др.) Ошибки буржуазных языковедов при разграничении грамматических категорий происходят главным образом от того, что части речи и члены предложения рассматриваются ими изолированно от структуры соответствующего языка, на основе каких-то предвзятых, якобы «действительных для всех языков» грамматических принципов. Недостатки формалистической трактовки грамматики были решительно разоблачены только советскими языковедами (Шерба, Виноградов и др.), которые указывают, что слова можно классифицировать, лишь принимая во внимание специфические особенности рассматриваемого языка.

Далее в работе дается обзор процесса образования наречия как грамматической категории. По своему возникновению наречие — одна из самых молодых категорий. Будучи признаком признака, в первую очередь признаком глагола, наречие могло возникнуть только тогда, когда существовала уже категория глагола. В современном языке наиболее близкое определение действия, обозначаемого глаголом, содержится в наречии. На ранней же ступени развития языка глагол не характеризовался отдельным словом, — его характеристика содержалась в нем самом. Итак, самостоятельное понятие, выражаемое теперь наречием, включалось в семантику глагола, как его неотделимая часть. Примеры того, как глагол одновременно выражает действие и обстоятельство, можно найти и теперь в разных языках, напр. в арабском, алеутском, коми-пермском и др. Более позднее развитие ведет в общем к тому, что характеристика обстоятельства или действия обособляется от глагола и находит самостоятельное словесное выражение в виде наречия. Первоначально новое слово, выражающее обстоятельство, связывается только с одним глаголом, именно с тем, для дополнения которого оно было создано. В результате дальнейшей грамматической абстракции действие и его харак-

теристика все более отделяются друг от друга, наречие становится самостоятельным, и вместе с тем расширяются его функции. Что касается древности отдельных классов наречий, то можно полагать, что наречия времени и места, как выражающие первичные и самые конкретные отношения, возникли раньше, чем наречия, характеризующие качество или образ действия.

Как мы уже отметили, при трактовке грамматических категорий в отдельных языках следует исходить из специфических особенностей структуры соответствующего языка, учитывая при этом три момента: морфологическое строение слова, значение слова и его роль в предложении. В эстонском языке наречие может быть выражено двояким образом — морфологически и синтаксически. Под морфологическим образованием наречий имеется в виду их деривация при помощи суффиксов. С синтаксическим образованием наречий мы имеем дело при адвербиализации падежей, где соответствующий падеж в известной синтаксической функции превращается в носителя обстоятельственного признака. Изменение синтаксической функции слова и его переход в новую категорию естественно сопровождается также сдвигом формального значения слова.

Наряду с наречиями, произведенными при помощи суффиксов или возникшими в результате изолирования флективных форм, в каждом языке имеется известное число слов, не поддающихся грамматическому анализу, так как соответствующие слова-основы не сохранились. В эстонском языке к этой группе принадлежат из наречий образа действия: *lah-ti* 'открыто, отворено, разомкнуто', *káudu* 'через', *vastu* 'против' и др. К ним применяли название «первоначальные наречия» (Альквист, Видеман, из советских авторов Галкина, Исаков и др.). В действительности же название «первоначальное наречие», конечно, условно, так как в языке никогда не существовало первоначальных, так сказать, чистых наречий, и так называемые «первоначальные» наречия также когда-то были произведены из других форм. Академик Виноградов называет такие наречия неграмматическими, в противоположность грамматическим, т. е. грамматически анализируемым наречиям¹.

Хотя и категория наречия имеет ряд определенных формальных признаков, они в большинстве случаев недостаточны для ее отграничения, и самым существенным, часто единствен-

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 340.

ным решающим критерием наречия является его синтаксическая функция, так как только в предложении выясняется, имеем ли мы дело с наречием, с формами склоняемых или спрягаемых слов, или же со служебным словом. Сравни, напр. *laud oli asetatud põiki* (наречие) 'стол был поставлен вкось' ~ *jänes jooksis põiki* (предлог) *teed* 'заяц побежал вкось через дорогу'; *elades* (наречие) *ei unusta ma seda õppetundi* 'никогда (дословно: живя) я не забуду этого урока' ~ *võõrsil elades* (глагол) *igatses ta pidevalt kodumaale* 'живя на чужбине, он постоянно тосковал по родине' и т. д.

Наречие тесно и многосторонне связано с другими частями речи. Будучи само образовано от различных склоняемых и спрягаемых слов, оно может, в свою очередь, пополнять другие части речи. Так мы видим наречие в роли прилагательного: *kottis püksid* 'брюки мешком', *ammuli suu* 'разинутый (дословно: разиня) рот' и т. д. Наречие представляет также богатые возможности для образования новых имен и глаголов, напр.: *kinni* 'закрыто, замкнуто' > *kinnine* 'закрытый, замкнутый', *kinnisus* 'закрытость, замкнутость', *kinnitus* 'утверждение, подтверждение', *kinnitama* 'утверждать, подтверждать' и т. д. Особенно важным явлением с точки зрения языкового развития надо считать переход наречий в другие категории. В форме слова при этом не происходит никакого изменения, изменяется же его синтаксическая функция — наречие теряет связь с определяемым им членом предложения и становится выразителем новых синтаксических отношений. Так из наречия образуются предлоги (*ümb er kaela* 'за шею, на шею', *piki randa* 'вдоль берега' и др.), приглагольные слова (*lahti päästma* 'освободить, отцеплять', *mööda minema* 'проходить мимо') и др., а также модальные слова и частицы, пополняющие предложения в целом, выражая субъективное отношение к высказываемой мысли (*vaevalt ta küll tuleb* 'едва ли он придет', *nähta vasti ta ei tea seda* 'видимо он этого не знает' и т. д.)

Все сказанное выше о наречии вообще относится и к наречию образа действия в частности.

* *
*

Вступительный характер имеет также первая глава диссертации «Обзор трактовок наречия образа действия в эстонском языке», где критически освещается трактовка категории наре-

чия в грамматиках эстонского языка от XVII столетия до настоящего времени.

Исследование наречия, как и других грамматических категорий в эстонском языке, начинается и развивается в тесной связи с составлением грамматик эстонского языка. Об исследовании языка до XIX в., однако, фактически преждевременно говорить, так как целью составителей грамматик XVII и XVIII вв. не было ни в какой мере всестороннее изучение и развитие языка, а лишь составление самых примитивных учебников «языка туземцев страны» (*maakeel*) для представителей господствующего феодального класса. Грамматики эстонского языка, относящиеся к феодальному периоду, построены по образцу латинских и немецких грамматик, согласно лингвистическому убеждению того времени, что все языки сходны по своей структуре. И при трактовке наречия авторы учебников эстонского языка XVII в., пасторы Х. Сталь, И. Гутслаф, Х. Гэзекен, И. Хорнунг, в точности следуют примеру латинской грамматики. Разрядов наречия у названных авторов несколько десятков, и они созданы чисто конструктивно, не соответствуя действительным подразделениям наречия в эстонском языке. При этом тогдашним авторам далеко не были ясны границы между отдельными частями речи. Так, они причисляли к наречиям слова, которые фактически не принадлежат к этой категории. К тому же мы не находим у них анализа деривации наречий. Изобилие и разнообразие наречий в народном языке отражается в грамматиках XVII в. в ограниченном размере. Некоторым шагом вперед в направлении более близкого к народу литературного языка является все же «*Grammatica Esthonica*» И. Хорнунга (1693), в которой дается ряд новых, не рассмотренных более ранними грамматистами, типов наречия в форме инэссива (*hukkas* 'погибши, пропавши'), суффикс *-mine* (*kallimine* 'дороже'), комитатив на *-ga* в роли наречия (*melega* 'нарочно') и т. д.

В XVIII веке не наблюдается никакого перелома в развитии литературного языка. Продолжаются традиции духовных произведений предыдущего века, как по содержанию, так и по форме. Достаточно выдающимся событием с точки зрения истории литературного языка было появление перевода библии в 1739 году. Не разрушая традиций церковного языка, перевод библии всё же содержит нечто новое в языковом отношении. Это в сущности первое произведение нашей древней литературы, которое всилу своего общественного значения оказало некоторое нормирующее влияние и на литера-

турный язык, в то же время способствуя победе северо-эстонского литературного языка над южно-эстонским. Поскольку переводчик Библии А. Тор-Хелле является также автором появившегося на семь лет раньше учебника эстонского языка «*Kurzgefaßte Anweisung zur Ehnstnischen Sprache*» (1732), то понятно, что данная им грамматическая трактовка эстонского языка оказывается решающей для литературного языка этого столетия. «*Ehnstnische Sprachlehre für die beyden Hauptdialekte*» А. В. Хупеля (1780) не прибавляет грамматически ничего существенного к учебнику Тор-Хелле. Шагом вперед по сравнению с предшественниками следует считать попытку Тор-Хелле и Хупеля разъяснить также деривационную сторону наречий образа действия. Хупель первым обращает внимание на образование наречий из падежей склоняемых слов и указывает, что наречия могут в то же время служить предлогами. Названные авторы вместе с тем впервые рассматривают склонение наречий, в том числе и наречия образа действия. Так учебники эстонского языка XVIII века, хотя и базируются на устарелых грамматических понятиях, все же содержат уже некоторые скромные попытки разъяснить сущность наречия как грамматической категории.

К XIX веку в языкознании успел совершиться основательный переворот, связанный с изменившимися условиями общественной жизни. Индуктивный метод, оказавшийся плодотворным в реальных науках, переносится и на языкознание. На этой основе начинают сравнивать и анализировать языковые факты, в результате чего опровергается господствовавшая в продолжение многих веков ложная теория о единстве грамматической структуры всех языков. Эти новые плодотворные влияния доходят косвенным путем и до Прибалтики, разрушая окаменелые традиции латинско-немецкой грамматики и открывая дорогу для исследования самого эстонского языка. В отношении грамматики эстонского языка индуктивный метод находит впервые применение в работе Э. Аренса «*Grammatik der Ehnstnischen Sprache revalschen Dialektes*» (1843). В отличие от своих предшественников, Аренс не ограничивается лишь собиранием материала, но пытается делать из него и выводы. Таким образом Аренс впервые приближается к пониманию внутренних закономерностей развития эстонского языка. Аренс кладет и основу научной трактовке категории наречия в эстонском языке, проливая свет на образование наречия и на его связь с другими частями речи, исходя из специфики эстонского языка.

Работу Аренса продолжает в период национального движения в 60-ых годах прошлого столетия академик Ф. И. Видеман. Глава о наречиях в его труде «Grammatik der Ehstnischen Sprache» (1875) остается донныне самой основательной трактовкой наречия в эстонском языке. Особенно большую ценность имеет часть этой главы, касающаяся суффиксального образования наречий. Здесь впервые регистрируются все употребляемые в эстонском языке суффиксы. Установки Видемана относительно происхождения отдельных суффиксов в большинстве случаев правильны и сохранили свою состоятельность поныне.

Основательная грамматика Видемана, однако, не удовлетворяла требований действительной жизни, так как она лишь описывала языковые факты, не давая правил для их применения. Интерес к вопросам языка непрерывно растет в связи с все возрастающими требованиями быстро развивающейся общественной жизни. Увеличивается потребность в нормирующем учебнике языка. В удовлетворение этой потребности К. А. Херман опубликовал в 1884 г. свою «Грамматику эстонского языка». Нормирующее влияние грамматики Хермана чувствуется в некоторой мере и в области наречия образа действия: именно Херман пропагандирует употребление адвербиальных суффиксов *-sti*, *-ti*, *-li* и *-mini* с окончанием *-i* (*selgesti* 'ясно', *mehiti* 'по мужчинам', *pikali* 'лёжа, улечься', *selgemini* 'яснее' вместо *selgeste*, *mehite*, *pikale*, *selgemine*), основываясь в своем предложении главным образом на истории языка, на финском языке и на тех диалектах, в которых вышеназванные суффиксы употребляются с окончанием *-i*.

В период империализма предъявляются новые требования и к отсталому в развитии языку. Среди актуальных языковых вопросов на повестке дня стоит также правописание адвербиальных суффиксов *-sti* ~ *-ste* и *-mini* ~ *-mine*, какой вопрос неоднократно обсуждался по инициативе Эстонского Литературного Общества. Лишь «Эстонский орфографический словарь», появившийся в 1918 г., фиксирует, как официальную норму, окончания *-sti* и *-mini*, которые к тому времени стали доминирующими.

Учебники эстонского языка эпохи империализма не углубляют грамматической трактовки наречия. Можно заметить только некоторую стабилизацию в орфографии отдельных наречий, в которой ранее наблюдались колебания. Ошибка всех учебников этого периода состоит в том, что они

формалистически причисляют наречие к служебным словам, не имеющим самостоятельной функции, и отрицают изменяемость наречия. Не находят рассмотрения соотношения наречия с другими частями речи, не анализируются наречия и с точки зрения их морфологического строения. В итоге можно сказать, что трактовка наречия в тогдашних грамматиках не превышает минимальных требований школьного учебника. Научное исследование наречия останавливается на уровне, достигнутом Видеманом. В буржуазной эстонской лингвистической литературе нет ни одного самостоятельного исследования в области наречия, если не считать нескольких небольших статей в журнале «Eesti Keel» («Эстонский язык»).

Установление Советской власти в Эстонии не производит еще никакого переворота в эстонской лингвистике. С одной стороны, упорно продолжают держаться традиции буржуазно-формалистической лингвистической школы, с другой стороны, установленный Н. Марром и его сторонниками в советской филологии аракчеевский режим препятствует марксистскому подходу к языковым проблемам. Лишь после разгрома марксизма летом 1950 года и перед эстонскими лингвистами открываются широкие возможности для творческой проработки самых разнообразных грамматических вопросов в свете марксистского языкознания. Новое отношение к вопросам грамматики сказывается в некоторой мере уже в появившихся в 1951 и 1952 г. г. учебниках эстонского языка для средних школ. Впервые в истории эстонской грамматики наречие рассматривается здесь не как служебная часть речи, а как самостоятельная грамматическая категория. Правильно выясняется также отношение наречия к служебным словам — предлогам, послелогам и приглагольным словам. Не рассмотрены, однако, вопросы о происхождении наречия, не обращено также внимания на адвербиализацию других частей речи. Впрочем исчерпывающая трактовка этих вопросов и невозможна в рамках учебника средней школы. Доныне нет еще научной грамматики эстонского языка, где нашла бы основательную и современную трактовку и категория наречия. Заслуживает признания работа кафедры финно-угорских языков Тартуского Государственного Университета в области изучения наречия в прибалтийско-финских языках.

* * *

*

Во второй главе диссертации «О происхождении и образовании наречия в эстонском языке» автор показывает, как

образовались отдельные типы наречия образа действия в эстонском языке, используя для этого по возможности сравнительный материал родственных языков.

«В грамматических категориях отдельных языков проявляются существенные различия в структуре данных языков, которые развились с течением времени и корни которых имеют начало в далеком прошлом»¹. В эстонском языке, как и вообще в прибалтийско-финских языках, наречие развилось главным образом из имени. По способу образования мы можем разделить наречия на две группы: 1) формы скользящих и спрягаемых слов в роли наречия, которые с течением времени удалились от системы изменяемых слов и зафиксировались в адвербиальном значении; 2) наречия, образованные посредством суффиксов из других частей речи. Поскольку в эстонском языке склонение имен прилагательных, местоимений и имен числительного по существу совпадает со склонением имени существительного, то и наречия, развившиеся из отдельных классов имен, имеют сходство по словообразованию. Помимо двух вышеназванных основных групп, в эстонском языке имеется еще небольшое количество наречий, образованных из заимствованных слов.

Наречия образа действия, образовавшиеся из форм скользящих слов, в свою очередь подразделяются на три группы. К первой принадлежат наречия из таких имен, исходная основа которых может быть легко реконструирована, но из склонения которых ныне сохранились лишь отдельные падежи в качестве наречий, напр. *mossis* : *mossi* 'надувшись, нахмурившись', *longus* : *longu* 'поникиши, поникнув', *pingul* : *pingule* 'натянута, напряженно', *kähku* 'живо, скоро' и др. Вторая группа состоит из имен, регулярно склоняемых во всех падежах, отдельные падежи которых употребляются и в функции наречия, напр: *korraga* 'сразу, вдруг', *aukus* 'впалые (о глазах)', *vihinal* 'со свистом', *ruttu* 'скоро', *ikka* 'все (еще), всегда' и др. Третью группу составляют наречия, происходящие от вышедших из употребления имен, основа которых уже не может быть реконструирована на основании нынешнего языкового материала. Часто даже трудно установить, какой падеж таится в наречии. Сюда принадле-

¹ П. Аристе, О развитии наречий в прибалтийско-финских языках. Научные труды, посвященные 150-ой годовщине Тартуского Гос. Университета. Таллин, 1952, стр. 100.

жат из наречий образа действия такие, как *lahti* 'открыто', *lõhki* 'расколото, разбито', *hiipri* 'наугад, наавось' и др.

Прибалтийско-финские языки вообще отличаются богатством падежей, причем каждый из падежей мог образовать наречие. Следует отметить, что в наречия обратились в общем те падежи, которые отличаются обилием функций и значений, напр. местные падежи, среди них и падежи, первоначально выражавшие в прибалтийско-финских языках отношения места, как партитив, абэссив, эссив, пролятив. Из падежей, образующих наречия образа действия, особенно продуктивным оказался инструктив, как падеж, уже по своему существу выражающий образ действия. Этим объясняется и большое число дериваций, сводимых к инструктиву.

Затем в работе рассматриваются наречия образа действия в эстонском языке по отдельным падежам, из которых они образовались. В настоящей сводке будут даны лишь некоторые отдельные примеры для иллюстрации адвербиализации падежей.

Номинатив. В более ранних прибалтийско-финских грамматиках ошибочно полагали, что номинатив не подвергается адвербиализации. Это положение однако опровергается фактическим языковым материалом. Из наречий образа действия в эстонском языке можно считать номинативными по происхождению: *ümber* 'вокруг', *läbi* 'через, насквозь', *ligi* 'вблизи', *katki* 'разорванно, разбито' и др.

Генитив. К генитиву сводятся наречия, как: *lähme jala* 'идем пешком', *ilma ei anta midagi* 'даром ничего не дают', *lausa sajab* 'идет сплошной дождь', также *kaua* 'долго', *rinna* 'грудь о грудь, рядом, смежно' и т. д.

Партитив как древний финно-угорский общеместный падеж встречается в примерах: *äkki avanes uks* 'вдруг открылась дверь', *tule sedamaid* 'приходи тотчас', *jalamaid* 'тотчас', *mööda* 'мимо'. В результате более позднего развития партитив развился в первую очередь в падеж объекта. Во многих наречиях трудно установить, представляют ли они формы партитива или же краткого иллятива, так как оба совпадают по форме: *tee këhku* 'сделай скоро', *järsku läks pimedaks* 'вдруг потемнело', *vihma tuli hooaupa* 'дождь шел с перерывами' и т. д.

Иллятив дал в эстонском языке обильное число наречий образа действия: *olge vakk* 'будьте тихо (дословно: в тишь)', *tule ruttu* 'иди скоро (досл.: в скорость)', *tuul jäi soiku* 'ветер затих (досл.: стал в затишье)', *hobune astub*

sammu 'лошадь идет шагом (досл.: в шаг), *purju* 'допьяна', *kokku* 'вместе', *sassi* 'в путаницу' и т. д.

Инэссив. Наречие образа действия в форме инэссива большей частью образуется от тех же самых слов, как и илляторное наречие, причем обнаруживается падежное изменение наречия в зависимости от глагола, напр.: *juuksed on sassis* 'волосы взъерошены' ~ *tuul ajas juuksed sassi* 'ветер взъерошил волосы', *istuti koos* 'сидели вместе' ~ *tuldi kokku* 'сошлись вместе', *purjus* 'в пьяном виде' ~ *purju* 'допьяна', *harkis* 'в растопыренном состоянии' ~ *harki* 'в растопыренное состояние', *lookas* 'дугой' ~ *looka* 'в дугу' и т. д.

Элятив. Из элятива развился самый продуктивный суффикс деривации наречий образа действия *-sti*. Элятив как падеж редко встречается в качестве наречия образа действия: *töö edeneb iseendast* 'работа идет сама собой', *võta korrast* 'бери по порядку', *olen südamest rõõmus* 'я сердечно рад'.

Адэссив и алляторив. В большинстве случаев адвербиализируются от того же слова-основы оба падежа, аналогично падежам внутреннего места: *ta on juba jalul* 'он уже на ногах' ~ *tõusis jalule* 'поднялся на ноги', *töö on käsil* 'работа (уже) идет (досл.: работа на руках)' ~ *töö võeti käsile* 'взялись за работу (досл.: работу взяли на руки)', *koomal* 'сомкнуто, тесно' ~ *koomale* 'в сомкнутое состояние', *kannul* 'по пятам, следом (за)' ~ *kannule* 'вдогонку' и т. д. Только в форме адэссива встречаются: *sorinal* 'журча', *vihinal* 'со свистом', *särgiväel* 'в (одной) рубашке' и др.

Абляторив. Подобно элятиву, падежная примета абляторива также развилась в суффикс. Как падеж, абляторив является наречием в примерах: *mees sai hoobilt terveks* 'мужчина сразу выздоровел', *õde suri noorelt* 'сестра умерла смолоду (молодой)', *haige paranes päev-päevalt* 'больной поправлялся изо дня в день' и др.

Эссив. Этот падеж сравнительно малоупотребителен в народном языке, вследствие чего редко выступает и в функции наречия: *noorena olnud ta ilus* 'молодой (в молодости) она была красива', *rahvast oli hulgana kokku tulnud* 'народу собралось толпой', *üksina* (диалект) 'один, наедине'.

Транслаторив также адвербиализируется редко: *ära söö liiaks* 'не ешь слишком много (досл.: в излишек)', *ütlesin seda naljaks* 'я сказал это в шутку', *kauss kukkus pooleks*

'миска упала (разбившись) пополам', *õnneks* 'к счастью', *päriseks* 'в собственность, навсегда.'

Терминатив. Из примеров терминативного наречия образа действия можно привести: *ajas silmad pärani* 'он открыл глаза широко (вообще: настезь)', *puud on üleni õites* 'деревья сплошь в цвету', *vajus põlvini lumme* 'он погрузился по колени в снег', *ääreni* 'до края', *otsani* 'до конца' и т. д.

Абэссив. Абэссивные наречия подразделяются на два класса — абэссив имен существительных, как *vaidleb asjata* 'он спорит напрасно (досл.: без дела)', и абэссив инфинитива на *-ma*: *õnnetus juhtus kogemata* 'несчастье случилось нечаянно'. В силу требований смыслового различия, в современном языке абэссивное наречие в большинстве случаев заменяется наречием, произведенным из каритивного прилагательного от той же основы при помощи суффикса *-lt*, напр. *kõneleb rõõmutult* (вместо *rõõmuta*) 'он говорит безрадостно', *peksab koera halastamatult* (вместо *halastamata*) 'он бьет собаку безжалостно'.

Инструктив как живой падеж исчез из прибалтийско-финских языков, продолжая существовать лишь в форме наречий: *ta targu vaikis sellest* 'он благоразумно умолчал об этом', *vahtis üksisilmi* 'он смотрел, не сводя глаз (пристально)', *külalised võeti avasüli vastu* 'гостей приняли с раскрытыми объятиями', *kõndisime kõrvu* 'мы шли рядом' и т. д.

Комитатив. Прежний прибалтийско-финский комитатив на *-ne* сохранился в эстонском языке лишь в отдельных словах, как: *ta elab üksipäini (s)* 'он живет один', *see rõõmutab mind iseäranis* 'это особенно радует меня' и в некоторых других. Более поздний комитатив на *-ga*, возникший в результате слияния генитива и послелога *kaas* (с, вместе с), дал ряд наречий, как: *aitame sind heameelega* 'охотно поможем тебе', *pangem käed külge korraga* 'приложим руки все разом (зараз)' и т. д.

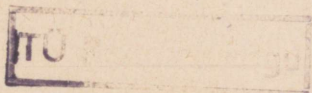
Пролятив. Пролятив также уже не употребляется в качестве падежа в прибалтийско-финских языках. Как наречие образа действия пролятив встречается в эстонском языке в примерах: *mehed läksid rinnutsi kokku* 'мужчины сошлись грудь с грудью', *sõitsime meritsi* 'мы ехали морем', *õmbleb käsitsi* 'шьет вручную' и др.

Говоря об адвербиализации падежей, нельзя обойти и вопрос об изменяемости наречия. В эстонском языке наречие

изменяется в пределах трех местных падежей, напр. *kannul* 'по пятам, вслед за' — *kannule* 'вдогонку' — *kannult* 'с догонки', *koos* 'вместе, совместно' — *kokku* 'вместе, в общем' — *koost* 'раз-, рас'. Употребление других падежей не обосновано синтаксически. Изменяемость наречий проявляется и в их степенях сравнения (*kiiresti* 'быстро' — *kiiremini* 'быстрее' — *kõige kiiremini* или *kiireimini* 'быстрее всего'), а также в прибавлении possessивного суффикса к наречию на более ранней ступени развития языка. В качестве пережитка примета possessивного суффикса сохранилась доныне в наречиях *üksnes* 'единственно, только', *iseäranis* 'особенно, в особенности' и др.

Значительно меньше находим в эстонском языке наречий образа действия глагольного происхождения. Адвербиализировались главным образом инфинитивы на *-da*, *-des*, реже другие формы, например: *ta on pealtnäha tubli inimene* 'он на вид дельный человек', *mõistagi ei tulnud ta ülesandega toime* 'разумеется, он не справился с задачей', *küsimust puudutati mõõdamines* 'вопрос был затронут мимоходом', *võibolla* 'может быть', *igatahes* 'во всяком случае' и т. д. Как наречия образа действия употребляются и вышеупомянутые абессивные формы инфинитива на *-ma* (*sõna lausumata* 'не говоря ни слова'). Инфинитивные основы послужили также исходной формой для конструктивных наречий, как *kiuste* 'наперекор', *jõude* 'праздно, досуже'.

Образование наречий из других частей речи не только явление прошлого: это — непрерывно продолжающийся процесс исторического языкового развития, при чем отдельные наречия восходят к различным фазам этого процесса. В эстонском языке мы встречаем яркие примеры переходных моментов, из которых видно, как имя или какая-либо другая часть речи в известной форме превращается в наречие и отделяется от массива данной части речи. Очень важную роль при этом играет изменение в значении слова: конкретное, вещественное значение слова постепенно ослабляется, и слово начинает употребляться в образном, переносном значении. Сравнивая, например, предложения *sääski lendles parvena metsa kohal* 'комары летали стаей над лесом' и *poisikesed kasutasid vana ust parvena* 'мальчики использовали старую дверь как плот', мы видим, что в первом предложении слово *parvena* утратило конкретное значение, вследствие чего затемняется его функция как имени; во втором же примере то же самое слово целиком сохранило конкретное значение, и вместе с тем и

грамматические приметы имени существительного. То же самое явление мы встречаем и в русском языке, напр.: *тройка несетя стрелой ~ птица убита стрелой*. Таким образом принадлежность слова к категории имени существительного или наречия зависит главным образом от степени абстракции его значения. И среди отглагольных наречий мы можем встретить примеры, которые в результате изменения значения слова находятся на пути к адвербиализации, например: *tüdruk tõttas lennates kodu poole* 'девушка спешила летя домой'. Здесь *lennates* равнозначуще с адэссивным наречием *len-nul* 'налету'.

В самом большом количестве представлены в эстонском языке наречия, произведенные при помощи суффиксов. Как уже указано, словообразовательные суффиксы наречий находятся в прямой связи с именем, обнаруживая лишь кажущиеся независимые признаки. Более подробный анализ открывает в них разнообразные падежные формы, из которых с течением времени, в результате сложения, контаминации и изнашивания, развились нынешние суффиксы. Часто при затемнении падежной функции к падежной примете прибавляется еще другая примета, чтобы ярче выразить обстоятельство.

-sti: *kõnnib kiiresti* 'ходит быстро', *kõneleb valjusti* 'говорит громко', *sandisti* 'скверно, плохо', *mehesti* 'изрядно, здорово (досл.: по-мужскому)' и т. д.

Суффикс *-sti* происходит из элятива, к первоначальной примете которого *-sta* прибавилось окончание инструктива *-in*, таким образом **-stain* > **-stin* (в некоторых диалектах прибалтийско-финских языков также **-stik*) > *-sti*.

-mini: *kõnni kiiremini* 'иди скорее', *kõnele valjemini* 'говори громче', *hullemini* 'бешенее, пуше' и т. д. Суффикс сравнительной степени *-mini* объясняется как редуцированный инструктив (**-minin*), так, напр., *ilusamini* 'красивее' < **iloisaminin*.

-ti: *sõdurid sammusid rühmiti* 'солдаты шагали повзводно', *silmitses mind viiliti* 'он осматривал меня искоса', *mina mõtlen samuti* 'я думаю таким же образом' и т. д. Эквиваленты суффикса *-ti* в прибалтийско-финских языках исходят из формы **-ttain* ~ **-ttäin*, в которой примета инструктива *-in* прибавилась к падежному окончанию абэсвива **-tta(k)* ~ **-ttä(k)*.

-tasa: *tegi seda koerutasa* 'он сделал это из озорства', *suurutasa* 'по величине', *pikutasa* 'по длине'. Архаи-

ческий суффикс *-tasa*, который в нынешнем языке встречается лишь в отдельных словах, объясняется как партитив имени существительного с прибавлением possessивного суффикса, напр. *suurutasa* < **sūruttansak*, ср. финское *suuruuttansa*.

-kuti: *kahed kindad ülekuti* 'две рукавицы одна на другой', *kaelakuti koos* 'взаимно висят друг у друга на шее', *vastakuti* 'взаимно, обоюдно'. Суффикс *-kuti* также восходит к окончанию **-ttain*, как и вышеупомянутое *-ti*, причём исходной формой является предполагаемое имя с основой на *-k*.

-stikku: *kahed kindad ülestickku* 'две рукавицы одна на другой', *vastastikku* 'взаимно, обоюдно', *rajastikku* 'смежно, с взаимно прилегающими границами' и др. Суффикс *-stikku* встречается параллельно с *-kuti*, отчасти даже от тех же основ. Этимологически *-stikku* является иллитивом имени существительного с суффиксом *-stik* (напр. *lähestikku* 'поблизости' < *lähestik*).

-si: *sööb vägisi* 'ест через силу, силой', *istu vagusi* 'сидит тихо', *see juhtus ilmsi* 'это случилось наяву' и т. д. В суффиксе *-si* мы имеем дело с окончанием инструктора от имен прилагательных на *-ne* (*vägisi* < **väkisin* < **väkinen*).

-kesi: *kõnelesid tasakesi omavahel* 'разговаривали между собой тихонько', *läheneb hiljakesi* 'приближается втихомолку', *kahekesi* 'вдвоем' и т. д. Совершенно аналогично предыдущему суффиксу *-si* производится *-kesi* из уменьшительных на *-kene*, исключая числительные наречия, как *kahekesi* 'вдвоем', *kuuekesi* 'вшестером', которые по существу связываются с послелогом *kesken*, и в настоящее время употребляемым в финском языке (*kahden kesken* = эст. *kahekesi*). К слову *kesk* сводятся также и соответствующие формы в южно-эстонских говорах (Вастселийна *katõkkeske*). В литературном же языке и в этом типе было обобщено, по аналогии с уменьшительными на *-kene*, окончание *-kesi*.

-misi: *kohtasin teda juhtumisi* 'я встретил его случайно', *vanker veereb pikkamisi* 'телега катится медленно', *vaheldumisi* 'впережку', *endamisi* 'про себя' и т. д. Суффикс *-misi* отглагольного происхождения и объясняется как форма инструктора множ. числа отглагольного существительного (< **misin* < **minen*). Развившись в самостоятельный суффикс, это окончание могло позже присоединяться и к другим частям речи.

-li: *keera kauss kumtuli* 'поверни миску вверх дном', *lamab selili* 'лежит на спине', *õieli* 'торчком, торчмя', *põlvili* 'на коленях, на колени' и т. д. Суффикс *-li* представляет собою окончание инструктива, присоединившееся к примете падежа внешнего места.

-lt: *jutustab pikalt ja laialt* 'рассказывает долго и пространно', *heitis tüdinult käega* 'он махнул утомленно рукой', *eredalt* 'ярко', *muretult* 'беззаботно' и т. д. Как уже отмечено, *-lt* является падежным окончанием аблятива.

-ldi: *tulen meeleldi* 'приду охотно', *naeratas areldi* 'он улыбнулся робко', *eraldi* 'отдельно, врозь', *pooleldi* 'наполовину' и т. д. Суффикс *-ldi* представляет собой инструктивное дальнейшее производное из аблятива (аналогичное суффиксу *-sti*).

-ldasa: *ta on ealdasa minust vanem* 'он возрастом старше меня', *näoldasa* 'лицом, по лицу', *karvaldasa* 'по (цвету) шерсти' и т. д. В архаическом суффиксе *-ldasa* перед посессивным суффиксом (*sa*) сохранился первоначальный гласный (основы) аблятива.

-kil и **-vil** ~ **-vel:** *istub käsipõsekil* 'сидит, опершись щекой на руку', *uks on praokil* 'дверь полуоткрыта (досл.: в щелку)', *vidukil* 'прищурившись', *kõik olid ärevil* 'все были встревожены', *kuuldus on liikvel* 'ходит слух (досл.: слух в движении)', *põnevil* 'в напряженности', *kohkvel* 'в испуге' и т. д. Суффиксы *-kil* и *-vil* ~ *-vel* также сводятся к адессиву, причем первый из них происходит от предполагаемого имени с окончанием *-k* (*küürakil* 'сгорбившись' < *küürak*), другой же от причастия настоящего времени или же от прилагательного на *-v* (*liikvel* < *liikuv*, *põnevil* < *põnev*).

Анализируя слова, образующие наречия образа действия, мы видим, что особенно много наречий дали имена, обозначающие части тела, напр.: *rind* 'грудь' > *rinna*, *rinnu* 'грудь с грудью, смежно, рядом', *rinnas* 'в ряду, в строю', *rinnastikku* ~ *rinnakuti* 'грудь о грудь, грудь против груди', *rinnuli* ~ *rinnukil* 'опершись грудью', *rinnuni* 'по грудь, до груди', также и основы местоимений и числительных: *üksi* ~ *üksinda* 'один, в одиночестве', *üksiti* 'в одну сторону; вместе с тем', *ühes* 'вместе'; *mõlemiti* 'тем и другим образом', *sedasi* 'таким образом', *igati* 'всячески' и т. д.

* * *

*

Третья глава — «Наречие образа действия в эстонских диалектах» — дает обзор употребления наречий образа действия в народном языке на фоне разных диалектов. Наряду с родственными языками диалекты дают значительную помощь для выяснения развития отдельных наречий. Это и понятно, так как в народном языке накоплен весь тот обильный и разносторонний материал, на базе которого наречие с течением времени сложилось в нынешнюю четко ограниченную категорию.

В предшествующей главе мы видели, что суффиксы, образующие наречия, не являются самостоятельными формативами, а развились из падежных окончаний. Непосредственная связь отдельных суффиксов с исходными падежами доньше местами сохранилась в диалектах, в особенности в юго-восточной части Южной Эстонии и в северо-восточном диалекте Северной Эстонии, каковые области со своими сильными отличительными чертами, развившимися вследствие их периферийного положения, оказали самое большое сопротивление нивелирующему влиянию общего языка. Так, древнее окончание адэссива *-lla* отражается в суффиксах *-li*, *-kil*, *-vel*, напр. *otsilla* (Вайвара) 'опрокинувшись на конец, концом (головой) вперед', *upakilla* (Харгла) 'нагнувшись', *hulkvalla* (сетуский говор) 'скитаясь, шатаясь'. Литературной деривации на *-sti* местами соответствуют наречия с первоначальным окончанием элятива *-sta*: *uuesta* (Люганузе) 'снова', *kahekesta* (Вайвара) 'вдвоем'. Архаические формы партитива мы встречаем в южно-эстонском диалекте в наречиях *laiuta*, *piutta* — в литературном языке *laiuti* 'в ширину', *pikuti* 'в длину'. Диалекты часто помогают нам и при выяснении происхождения различных сомнительных форм. Так, напр., на основании сопоставления родственных языков и диалектов оказывается, что исходной формой для наречия, встречающегося в литературном языке в форме *üksinda* 'один, единственно', был падеж эссив.

Диалекты иллюстрируют обильными примерами установленный в лингвистике интересный факт, что одно и то же явление как в родственных языках, так и в отдельных диалектах одного языка, не всегда может быть сведено к одной и той же исходной форме, т. е. может происходить из различных источников. Сравнивая отдельные наречия в диалектах и в литературном языке, а также одни диалекты с другими, мы видим, как одна функция может выражаться разными суффиксами в разных диалектах, причем производному суффиксальному наречию в литературном языке может соответствовать в диа-

лекте адвербиализованная падежная форма, и наоборот. Мы приведем лишь некоторые примеры, где первое слово каждого примера представляет литературную, а следующие диалектную форму: *hooletu/lt* 'небрежно' — *ooletu/st* (Каркси), *ilusa/sti* 'красиво' — *ilusa/de* (Пухья) — *ilosa/hõ* (Рыуге) — *ilosa/lõ* (Карула), *kõva/sti* 'крепко' — *kõva/li* (Кихелконна), *küli/li* 'боком, набок' — *küli/kkali* (Люганузе), *õie/li* 'торчмя, торчком' — *õiet/si* (Юуру), *vasta/stikku* 'взаимно' — *vassulte* (Кодавере); *kärme/sti* 'быстро' — иллятив *kärmä* (Кодавере), *pika/li* 'лёжа' — иллятив *pikku* (Каркси) — терминатив *pikini* (Кихелконна) — инэссив *pikkas* (Муху), *põlvil/li* 'на коленях, на колени' — адэссив *põlvil* (Каркси), адэссив *üks-haaval* 'по одному' — *üksaava/li* (Люганузе), инэссив *harkis* 'растопырившись, расставив (ноги)' — *hargi/kill* (сетуский говор); эссив *noorena* 'молодым, смолоду' — адэссив *noorõl* (Харгла), инэссив *näljas* 'в голоде' — адэссив *näljal* (Кодавере), иллятив *käsikaüdu* (3-я степень долготы) 'наощупь' — инструктив *käsikaüdu* (Мартна, 2-я степень долготы) и т. д.

Наряду с своеобразным образованием наречий, диалекты представляют также интереснейший материал по сочетанию адвербиальных примет. Так, напр., в комитативные наречия *kognis* 'совсем, совершенно' и *iseärans* 'особенно' из падежей внешнего места перешла примета *-l-*, в результате чего получились формы *kogolis* (Вастселийна), *iseärälis* (Кодавере) и др.; падеж эксцессив послужил образцом при возникновении форм, как *küländ* (Харгла) — литер. *küllalt* 'довольно, вдоволь', *asjanda?* (Рыуге) ~ литер. *asjata* 'напрасно' и др., контаминацию аблятива и абэссива представляют собой наречия *ilmsüüldä?* (Харгла) ~ литер. *ilmsüüta* 'невинно', *kogõmalda?* (Рыуге) ~ литер. *kogemata* 'нечаянно' и т. д.

Из случаев накопления адвербиальных примет можно привести следующие яркие примеры, как *terve/ni/sti* (юурусский говор) 'всецело, целиком' — терминатив + *-sti*, *piuta/misi* (Вастселийна) 'в длину' — партитив + *-misi*, *irmul/si* (Вильянди) 'в страхе' — адэссив + *-si*, *rinnoltsildõ* (Рыуге) 'грудь о грудь' — инструктив + пролятивный суффикс *-tsi* + *-de*, *hää/ste/kese/ge* (сетуский говор) 'хорошенько' — *-sti* + *-kesi* + эмфатическая частица *-ge* и т. д.

Употребление наречий в диалектах представляет интерес также и со звуковой стороны, так как оно способствует понима-

нию тех колебаний, которые проявляются в звуковом развитии наречий в литературном языке. Так, диалекты дают обильный материал для вокализма суффиксов *-sti*, *-ti*, *-mini* (*hästi, ajuti, paremini* ~ *häste, ajute, paremine*) и для консонантизма *-stikku* (*-stikku*, 3-я ступень ~ *-stikkù*, 2-я ступень) и других суффиксов, каковые вопросы вызывали споры в истории литературного языка.

Диалекты проливают также яркий свет на развитие значения отдельных наречий: наречие *iseäranis* 'особенно' употребляется как в диалектах, так и в более древнем литературном языке в значении *eraldi* 'особо, отдельно, особняком' (*panid tuhlid isä-äranis* — Кихелконна), произведенное из немецкого заимствования слово *vissisti* ~ *vististi* (< нем. *gewiss*) 'наверно, вероятно' известно в диалектах еще в значении, перенятом из исходного языка, 'наверняка, несомненно' (*tuleb vissisti* 'придет наверняка' — юурусский говор) и т. д.

Сравнение различных языковых явлений обнаружило ряд общих черт в отдельных диалектных областях. Так, при помощи анализа языковых фактов стало возможным установить некогда существовавшие исторические отношения между жителями отдельных областей. И на основании представленного в настоящей работе материала можно констатировать общие элементы между вырусетуским диалектом (юго-восточная часть Южной Эстонии) и диалектом побережья Северо-Восточной Эстонии с одной стороны, с другой же стороны между вырусетуским диалектом и говором Кодавере (побережье Чудского озера в Восточной Эстонии), а также между всеми тремя названными областями, что указывает на когда-то существовавшие, историей и археологией пока более точно не разъясненные отношения. В кодавереском говоре мы находим кроме того ряд общих черт с водским языком, носителей которого и считают выходцами отсюда. В прибрежном диалекте Северо-Восточной Эстонии, которая была исходной областью для финского племени хяме, можно наблюдать резко выраженные черты, свойственные финскому языку. Интересно также отметить совпадающие языковые явления между северо-восточным диалектом и диалектом островов (в особенности Хийу и Муху), что указывает на возможность колонизации в раннюю феодальную эпоху. В пограничных областях Восточной Эстонии, соприкасающихся с русским языком, мы встречаем случаи влияния русского языка (заимствованные наречия, как сетуское *kud'rah* 'кудряво',

voovsi 'вовсе', уменьшительные наречия, как кодавереское *õrnakeiste* 'нежненько' и т. д.).

Как мы видели, употребление наречий образа действия в эстонских диалектах представляет довольно пеструю картину, которая своими обильными вариантами и интересными специальными видами развития не только способствует пониманию развития категории наречия в эстонском языке, но и ярко иллюстрирует связь между отдельными компонентами грамматической структуры эстонского языка.

* * *

*

В последней главе диссертации «Развитие наречий образа действия в эстонском литературном языке» рассматривается процесс образования наречий образа действия в литературном языке и обогащение литературного языка за счет категории наречия. Развитие наречия в литературном языке рассматривается, начиная с появления первой эстонской книги (катехизис Ванрадт-Кэлля 1535) до настоящего времени.

Язык церковной литературы XVII в. и начала XVIII в. беден и ограничен по словарному составу, в отношении же грамматики непоследователен и даже ошибочен. Хотя пользовавшиеся этим языком иноплеменные пасторы усваивали как грамматику, так и лексику из тогдашнего народного языка, их недостаточное знание языка вместе с пренебрежительным отношением к его народной самобытности наложили сильный отпечаток на формирующийся литературный язык. Не вникая в истинные богатства народного словаря, они перенимают из него в литературный язык лишь самый необходимый для церковной литературы минимум. Изучив употребление наречия образа действия в нашей древней литературе, мы видим, что ее авторы ограничиваются в общем лишь самыми обычными и стереотипными наречиями на *-sti*, которые к тому же часто производят ошибочно, в противоречии с присущими языку законами словообразования, напр. *rickaliigt* (Сталь) 'богато, обильно' вместо *rikkalikult*, *gegajte* (Тор-Хелле) 'смутно, неясно' вместо *segaselt* и т. д. Другие суффиксы представлены лишь немногими отдельными примерами. Еще меньшее применение находят здесь адвербиальные падежные формы.

Употребление различных наречий образа действия возрастает в некоторой степени в XVIII в., но заметно расши-

руется оно лишь со второй четверти прошлого столетия, когда начинает формироваться настоящий эстонский литературный язык, носителями которого являются уже писатели-эстонцы. Основывающийся на народном языке литературный язык начала XIX столетия пестрит многими диалектными особенностями, которые отражаются также в употреблении наречий. Лишь с образованием национального языка около середины столетия начинает унифицироваться и четко разграничиваться и категория наречия. Но как молодой национальный язык в своей начальной стадии еще далек от последовательности и монолитности, так и в употреблении наречия наблюдается ряд колебаний, часть которых переносится и в настоящее столетие: *selgesti* ~ *selgeste* 'ясно', *selgemini* ~ *selgemine* 'яснее', *kartmata* ~ *kartmatalt* ~ *kartmatult* 'неустрашимо', *põnevil* ~ *põnevel* 'напряженно', *lähestikku* ~ *lähestiku* 'поблизости' и т. д.

Только «Эстонский орфографический словарь» (1918) фиксирует большую часть грамматических форм в области наречия, и «Эстонский орфологический словарь» (1925—1937) устанавливает употребление наречий в таком виде, в каком оно — за малыми колебаниями — осталось до настоящего времени. О наречии в современном языке даст, как мы надеемся, полное представление лишь «Большой орфологический словарь» (выходит с 1948 г.).

Изменчивость внутренних закономерностей развития языка ярко отражается и в исторической изменчивости способов образования наречий. Поэтому известный падеж или суффикс оказывается не одинаково продуктивным во все времена в качестве производителя наречий. Из системы склонения эстонского языка выпали некоторые прежние падежи, каковы инструктив, пролятив и комитатив на *-ne*-, сохранившись до настоящего времени лишь в виде известных наречий. В литературном языке XVII в. встречаются также пережитки прибалтийско-финского иллятива на *-s*, напр. *ilmaaigkas* (Г. Мюллер) 'напрасно' (в современном языке *ilmaaegu*). Адвербиализацию номинатива, генитива и партитива можно также считать уже явлением прошлого — новых наречий эти падежи уже не дают. Об изменчивости способов образования наречий говорят и типичные для старого литературного языка примеры, как транслятив *ygkex* (= *igäks*) (Ванрадт-Кэлль) — теперь иллятив *ikka* 'всегда', адэссивы *naljal* (Сталь), *waiwal* (Гэзекен) — теперь *naljalt* 'в шутку, легко', *vaevalt* 'едва', *teifelt*, *wihmifelt* (Сталь, Мюллер

и др.) — теперь *teiseks* (транслятив) 'во-вторых', *viimati* 'напоследок, наконец'. В современном языке проявляют тенденцию к адвербиализации как раз самые молодые падежи, эссив и комитатив (*lind sööstis noolena õhku* 'птица ринулась стрелой в воздух', *töötage rahuga* 'работайте спокойно (дословно: со спокойствием)').

Тесную связь с категорией наречия сохранили донные и падежи внутреннего и внешнего места, в особенности инэссив и адэссив, употребление которых заметно оживилось в период формирования национального языка. В современном языке указанные падежи дают ряд случаев, которые стоят, так сказать, на границе между именем и наречием, и которые, в зависимости от синтаксической функции, выступают то в качестве наречия, то в качестве имени, напр.: *puud on hiirekõrvul* 'деревья покрылись молодыми листьями (досл.: деревья в мышиных ушках)' — *hiirekõrvul on lillakad õied* 'пастушьи сумки (растение) имеют лиловые цветы', *silmad alatõsa vees* 'глаза все время в слезах (досл.: в воде)' — *lilled on vees* 'цветы в воде' и т. д. То же самое явление наблюдается и в случае некоторых других падежей, напр.: *seekord läks veel õnneks* (транслятив) 'на этот раз еще посчастливилось (досл.: пошло на счастье)' — *õnneks ei piisa isiklikust heaolust* 'для счастья недостаточно личного благополучия', *põhjani* 'основательно' (как?) — *põhjani* 'до дна' (до чего?) и т. д. Такой синтаксический способ образования наречий может сравниться с явлениями конверсии в индо-европейских языках.

Наряду с этим продолжается морфологическое образование наречий при помощи суффиксов, причем в современном языке основным суффиксом для образования новых наречий является суффикс *-lt*, который, начиная с настоящего столетия, стал доминировать над равнозначимым суффиксом *-sti*, ранее стоявшим на первом месте. Активизация *-lt* понятна, если иметь в виду, что прилагательные, выражающие новые понятия, сопутствующие развитию общественной жизни, большей частью производятся при помощи суффикса *-lik* или *-(li)ne*, к которым регулярно присоединяется окончание *-lt* (напр. *sotsialistlik* 'социалистический' > *sotsialistlikult*, *parteiline* 'партийный' > *parteiliselt*). Довольно продуктивными в современном языке являются также суффиксы *-ti* (*kolhoositi* 'по-колхозно', *tsehhiiti* 'по цехам') и образующие главным образом наречия ономатопозитически-описательного характера суффиксы *-kil* и *-vik*.

Из действительного употребления выпали архаические суффиксы *-tasa*, *-ldasa*, непродуктивными стали также *-ldi* и *-tsi*.

Употребление наречий образа действия дает достаточный материал также для освещения взаимоотношений литературного языка и диалектов. Как мы знаем, диалектные черты отражаются весьма сильно в нашей древней литературе, причем диалектным фоном литературного языка XVII в. был главным образом восточный, в частности северо-восточный диалект, элементы которого встречаются как в звуковом составе и морфологическом строе, так и в словаре литературного языка того времени. Из встречаемых в наречиях образа действия диалектных особенностей можно считать восточно-эстонскими следующие: *ilusast* 'красиво', *kindlast* 'наверняка' вместо *ilusasti*, *kindlasti*, *kahekeste* 'вдвоем', *segamiste* 'смешанно' вместо *kahekesi*, *segamini*, *ninda* 'так' вместо *nõnda*, *ühtlaise* 'заодно, вместе' вместо *ühtlasi* и т. д. С появлением перевода библии в первой половине XVIII в. начинается влияние западного диалекта на литературный язык. В области наречия образа действия это выражается в широком употреблении инэссива в сильной степени (*hukkas* 'погибши, пропавши', *selgas* 'надетым, одетым'), а также в отдельных словах (*lisi* 'около, вблизи' вместо *ligi*, *kindi* 'закрыто, замкнуто' вместо *kinni* и т. д.) Слабее отражается в северо-эстонском литературном языке южно-эстонский диалект (*rasedaste* 'тяжело' вместо *raskesti*, *noppeste* 'проворно' вместо *nobedasti* и т. д.). Богатыми диалектными чертами обладает литературный язык начала XIX в. В языковой практике каждого автора можно найти элементы его родного диалекта и, кроме того, общераспространенные в тогдашнем литературном языке диалектные слова и формы.

В тесной связи с диалектами развивалось и употребление адвербиальных суффиксов в литературном языке. Особого внимания заслуживает развитие суффикса *-sti*. Получивший после перевода библии преобладание вариант *-ste* остается господствующим в течение полутора столетия. Зато суффиксы *-ti*, *-li*, *-ldi* встречаются с окончанием *-i* уже начиная с XVII в., а *-si* еще ранее. В диалектах также преобладает окончание *-ste*, включая большую часть среднего северо-эстонского диалекта, являющегося основанием национального языка. Когда же в 80-ых годах снова появляется фонетически закономерное, но в диалектах сравнительно редко встре-

чаемое окончание *-sti*, которое даже в древнем литературном языке последовательно употреблялось лишь в проповедях Г. Мюллера (1600—1606), то оно находит все более широкое распространение; в результате окончание *-sti* было признано во втором десятилетии настоящего столетия литературной нормой. Это не может, однако, быть расценено, как нетипичное явление, стоящее в противоречии с законами развития языка. В марксистском понимании типично отнюдь не то, что наиболее часто встречается, но в первую очередь то, что полнее всего выражает сущность данного явления, имея в то же время в виду перспективы его развития в будущем¹. В этом смысле преобладание *-sti* и *-mini* над *-ste* и *-mine*, если его рассматривать в связи с употреблением других суффиксов и с общим фонетическим развитием эстонского языка, является также типичным и закономерным явлением, хотя оно и кажется стоящим в противоречии с народным языком.

В процессе формирования национального языка выравниваются характерные диалектные черты и развивается общая языковая форма. Источником обогащения словарного состава языка диалекты остаются, однако, и в будущем. Лексикальное богатство народного языка было использовано многими авторами и в области средств адвербиального выражения. Особенно следует здесь отметить писателей Эдуарда Вильде и Ааду Хинт.

Употребление наречий образа действия проливает некоторый свет и на семантическое развитие литературного языка. Ряд наречий в течение истории литературного языка приобрели новое значение, напр. *halvasti* ~ *halvalt* 'плохо' — ранее 'дешево' (*alwalt müjid* 'дешево продали' — газета «Perno Postimees» 1857), *lahkesti* 'любезно, радушно' — ранее 'просторно, привольно' (*läks elu lahkeste edasi* 'жизнь продолжалась привольно' — газета «Sakala» 1878), *vististi* 'наверно, вероятно' — ранее 'наверняка, несомненно' и т. д. В большинстве случаев употребление наречий в более старом литературном языке здесь совпадает с их употреблением в диалектах. В период национального движения во второй половине прошлого столетия в литературе заметно расширяется научно-популярная тематика. Вместе с тем возникает потребность в более научном и более точном выражении различных понятий. За отсутствием подходящих слов часто употребляют существующие слова в новом значении, напр. *tähtsalt*

¹ Г. М. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду Партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат 1952, стр. 73.

'существенно' — теперь *oluliselt* (...*et teroivist tähtsalt rik-kuda* 'чтобы нанести здоровью существенный ущерб' — «*Oma Maa*» 1885), также *lähikaudu* 'в среднем' — теперь *kesk-miselt*, *lõhkuvalt* 'разоряюще' — теперь *laostavalt* и т. д. Такие изменения в значении носят, однако, в большинстве случаев временный характер. При дальнейшем развитии языка для выражения нового содержания находят более подходящую, более адекватную форму. Новые производные слова также не всегда остаются в употреблении в том значении, для передачи которого они были созданы. В теперешнем языке различают наречия *nähtavalt* (*ta on nähtavalt vananenud* 'он заметно постарел') и *nähtavasti* (*nähtavasti ta ei tulegi* 'он видимо не придет'). Между тем в начале XIX в. слово *nähtavalt* употребляется как раз в модальном значении («*Maarahva Nädalaleht*» 1823), тогда как вошедшее в употребление *nähtavasti* на первых порах отмечает образ действия («*Rahva Lõbuleht*» 1900). Теперешнее соотношение между ними устанавливается лишь в настоящем столетии.

Наконец, употребление наречий образа действия в литературном языке иллюстрирует также переход наречий в категорию служебных слов. Превращение наречия в служебное слово ярко проявляется, напр., в слове *haaval*, которое теперь употребляется только в функции послелога. В литературном же языке XVII и XVIII вв. слово это имеет еще самостоятельное адвербиальное значение (...*haaval jahh minnu mehs minnu pohle heitta* 'понемногу мой муж станет меня любить' — *Vana Testament* 1686). Многие наречия употребляются параллельно в качестве наречия и предлога или послелога, напр. *mööda* 'мимо, по', *ilma* 'без', *läbi* 'через', *ümber* 'вокруг', *kiuste* 'наперекор, назло, вопреки' и т. д. В некоторых случаях наречие образа действия развилось также в союз. Параллельно в качестве наречия и союза употребляются, напр., слова *niivõrd* 'столь, настолько', *samuti* 'так же, также, тоже', *järelikult* 'следовательно', *iseäranis* 'особенно' и др. Литературный язык дает в изобилии примеры соотношений наречий образа действия с т. н. модальными словами. Некоторые наречия, рассмотренные в настоящей работе, с течением времени утратили связь с глаголами и превратились в модальные слова. Такое развитие было вызвано изменением в синтаксической функции наречия. В современном языке, напр., слово *vaevalt* 'едва, еле' употребляется главным образом в модальном

значении, образ действия выражают *vaevi* 'с трудом' и *vaevaliselt* 'тягостно, с трудом, насилу'. Как наречие образа действия слово *vaevalt* было в употреблении еще в середине прошлого столетия (напр. ...*aias ta jennast/ wae-walt jälle wodist üllesje* 'он опять с трудом поднялся с постели' — Лидия Койдула). С течением времени также перешли в категорию модальных слов *kindlasti* 'наверно, наверняка' (образ действия выражает *kindlalt* 'твердо, уверенно'), *tõesti* 'воистину, действительно', *teatavasti* 'как известно' и др.

В заключение следует сказать, что развитие наречия образа действия в литературном языке является длительным процессом, в котором из разнообразных скрещивающихся и часто противоречивых направлений направлений сформировалось и кристаллизовалось употребление этой части речи. Развитие наречия образа действия от XVI в. до настоящего времени отражает в одной лексико-грамматической категории все этапы истории нашего литературного языка: в нем отражается неправомерность и ограниченность церковного литературного языка, возникшие в XVIII в. поиски более народного способа выражений, образование основанного на подлинном народном языке литературного языка с диалектными особенностями и процесс формирования из него национального языка, быстрое развитие языка в условиях империализма и его нормирование и, наконец, его преобразование в адекватного выразителя всех проявлений жизни нашего общества, идущего к коммунизму.

* *
 *

Из настоящей работы видно, что наречие образа действия находится в тесных взаимоотношениях со всеми другими частями речи. Это еще раз доказывает, что, несмотря на кажущуюся четкую отграниченность, наречие в современном эстонском языке фактически является очень пестрой, обширной и богатой по значению грамматической категорией, которая охватывает сложную систему довольно далеких друг от друга типов слов. Совершенно обоснованно академик Виноградов называет категорию наречия «сферой взаимодействия между частями и частицами речи»¹. Поэтому исследование наречия способствует также разъяснению различных общих

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 397.

вопросов грамматики и лексики, являясь не бесполезным вкладом в дело изучения и понимания внутренних закономерностей развития эстонского языка в целом.

Мы проследили историю развития наречий образа действия в эстонском языке. Хотя это развитие и совершалось в течение долгого времени, восходя в своих зачатках к далекому прошлому, в эстонском языке донныне сохранилась специфика образования наречий, присущая прибалтийско-финским языкам. Тем самым развитие наречий образа действия в эстонском языке со своей стороны иллюстрирует основной тезис марксистского языкознания: «Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох»².

² И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25—26.

Бесплатно

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00422814 6